

75 лет

Великой Победы

НЕ ГАСНЕТ ЗАПОВЕДНАЯ СВЕЧА

(Переключка поэтов, рожденных после войны)

Николай Александров

(Брест)

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

– Милая, где ты была?
Ночи мои холодны.

– Я тебя, милый, ждала,
Почте не веря, с войны.
Помнишь?
Когда уезжал
И дожидаться просил,
Словно оглохший, вокзал
Охал, шумел, голосил.
Около баб, гомоня,
Вовсе не чуя беду,
Малая ребятня
Бегала в этом чаду.

– Помню...
И всё это вдруг
Стронулось и поплыло.
Белый платок твой из рук
Вырвался, будто крыло,
И полетел, полетел
Возле тяжелых колес.
Долго назад я глядел
С комом непролитых слез.

– Всё, что просил ты, сбылось.
Кто тут осудит меня?
Много дождей пролилось
С этого самого дня.

В жизни, спаленной дотла,
Нашей не видно вины.
Я тебя, милый, ждала,
Почте не веря, с войны...

Слышится мне до сих пор
В шуме ветров за окном
Этот ночной разговор
Душ, разделенных огнем...

* * *

Мой сосед седой, дядя Саша,
Сорок первого очевидец,
Пишет письма в поисках павших –
Отзовитесь!

Помогите, Клин и Калуга,
Тихий Дон и озеро Свитязь,
Отыскать фронтового друга –
Отзовитесь!

Неизвестный, спящий под Оршей,
В Трептов-парке гранитный витязь,
Шестьсот тысяч polegших в Польше –
Отзовитесь!

На запросы военкомата
Отзовитесь, Харьков и Витебск,
Помогите найти солдата –
Отзовитесь!

Наклоняется небо низко,
И полесская даль, развидясь,
Смотрит звездами обелисков –
Отзовитесь!..

ДЯДЯ МИША

Дядя Миша – человек бывалый.
 Через две войны судьба легла.
 Пуля-дура дядю Мишу убивала,
 Да убить до смерти не могла.

Он сидит с винтовкою в окопе,
 После боя черен и небрит.
 Он еще пройдет по пол-Европе,
 А пока что курит и молчит.

А пока что смотрит, как мурашка
 Тащится по рыхлой крутизне.
 Кто сказал, что на войне не тяжело?
 Очень даже тяжело на войне.

Ведь в селе Борки у дяди Миши –
 Мать, жена, четыре пацана...
 Пуля-дура дядю Мишу ищет,
 Ищет дядю Мишу Крупина.

Пулемет дудукает за полем.
 Гарью тянет с ближних пепелищ.
 На лопатках – искры жгучей соли.
 Что же ты, душа моя, болишь?

Он дойдет до самого порога
 Канцелярий лютого врага.
 Но еще дурит свинцом дорога,
 Но еще дорога далека...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Домой солдат шагал издалека.
 В высоком полдне плыли облака,
 Как до войны, ленивою гурьбою.
 Сквозь розовую сетку ивняка
 Спускался конь ледащий к водопою,
 А с ним старик.

– Здорово, дед, живешь!
 – Живем, как можем,
     и на том спасибо.
 – А как река прозваньем будет?
 – Сож.

– А рыбку ловят?
 – Водится и рыба.

Но-о-о, шельма!..
 Конь, пофыркивая, пил,
 И капли с мягких губ его стекали.
 Струился воздух.
 Луч в реке рябил.
 Три ласточки на синеве мелькали.

Что позади?
 Что впереди еще?
 Лишь этот день, как ясная криница.
 Он сидорок закинул на плечо,
 Мотнул культёю:
 – Ишь, поет землялица...

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ВОЙНЫ

Дина Дурбин смеется с экрана,
 Белозуба, лукава, нежна,
 И, как пух одуванчиков, странно
 Над Европой плывет тишина.

Будто отпуск бессрочный объявлен
 Всем, прошедшим дорогой войны,
 И струится цветение яблонь
 В полноводной реке тишины.

А душа в непонятной истоме,
 В беззаботном затишке, в тепле,
 Наливается вздохом о доме,
 О родне, о семье, о земле.

И такие вселенские звуки
 Из трехрядки в теплушке пустой
 Извлекают веселые руки
 Гармониста с геройской звездой!

Как он дорог, вздыхающий, пьющий
 Поминальную чарку вина,
 Этот день.
 Мир, садами цветущий.
 Дина Дурбин.
 Гармонь.
 Тишина...

Виктор Медведев

(Алматы)

* * *

Напрасно бабка бога молит –
Сынок не сносит головы.
Лежит Володя, сизый голубь,
В сырой земле, у стен Москвы.

Ему не мягко и не жестко,
Что причитанья и слова?
У ног – спаленная березка,
Вдали – спасенная Москва.

Вместился век его недолгий
В один огромный год войны.
О смысле жизни и о долге
Его вопросы решены.

Он все успел, он всем доволен –
Вот нам бы так за всю-то жизнь!
И только бабка бога молит,
Все за погибшего дрожит.

Его на миг увидеть с нами –
Предел всех материнских нужд...
О, нерасчетливая память,
Ты соль на раны скорбных душ.

Но в мире помнят, ждут и молят.
Чтоб время приостановить,
Верны одной огромной боли,
Как первой искренней любви.

СОРОК ПЯТЫЙ

Как безвестный солдат в сорок пятом,
Обжигая махоркою рот,
Я хочу постоять у проклятых,
Роковых Бранденбургских ворот,
Свое имя штыком нацарапать,
Горьким дымом пожаров дыша,
Чтоб смогла с облегченьем заплакать
Изошедшая кровью душа.
Чтобы после, уже по наитью,
Сединой окропляя виски,

По живому, суровую нитью,
Своей жизни сшивать лоскутки –
Рубашонку из детской фланели
С запыленным солдатским мешком,
Клок пробитой осколком шинели
Да бинтов окровавленных ком.
А еще, может быть, с арестантской
Черной робой в дырах сквозных,
На сибирских глухих полустанках
Опаленной дыханьем штрафных.
Вот и все... По каким же лекалам
Надо заново время кроить,
Чтобы ткань моей жизни сшивала
Этой правды суровая нить?
И тогда, в своем тяжком сомненье,
К небесам поднимая глаза,
Я прозрел бы душой на мгновенье,
И увидел бы то, что нельзя –
Как мой Ангел печалился в бебе,
Как, вздыхая, Господь допускал...
Я познал бы, за что эта небыль,
Чей я грех на земле искупал.
У ворот, Бранденбургских, проклятых,
Где ковалась России судьба,
Я б остался навек в сорок пятом
С его правдой и верой в себя.

В МУЗЕЕ ВОЙНЫ

Музей молчит,
Хранитель тех событий –
Гремучих лет, невыносимых драм.
Он кажется печальней и забытей,
Когда экскурсий смолкнет тарарам.

Здесь тишина...

Но как она обманчива –
Беспечная, чужая тишина.
Здесь так спокойно, –
Как игрушки мальчишков,
По полочкам разложена война.

И нам судьбу сегодня не примерить
Всех тех, кто не вернется никогда,
В молчании музея проще верить,
Что вместе с прошлым схлынула беда.

Но костыли увидишь у порога,
 Седой сапог под старым галифе,
 И странная, знобящая тревога
 В душе метнется
 Аутодафе.

Музей предстанет перекрестком судеб,
 Прощаньем тех,
 Что шли на танки в лоб.
 Он залит страхом, что приносят люди
 В раздавленный, расстрелянный окоп.

Из тех боев плывет завеса боли,
 А крик «ура!» моторным воем смят...
 В музее осторожное безмолвие,
 Но костыли...
 Вы слышите?
 Гремят!

Александр Таммер
 (Павлодар)

ИСПОВЕДЬ АВИАЦИОННОГО МЕХАНИКА

Она спокойна.
 Она упряма.
 Она довольна
 своей судьбой.
 Приказ получен,
 и шифрограмма –
 «Ночная ведьма»
 уходит в бой.

Моя задача
 её дожидаться.
 Нет, я не плачу,
 глаза слезят.
 Ещё девчонка,
 чуть-чуть за двадцать,
 А я механик –
 за пятьдесят.

Наверно, боги за всё в ответе.
 Она не верит.
 Крещу тайком.

Её планида –
 свистящий ветер,
 Моя же кара –
 аэродром.

В девчонку верю,
 но тяжело что-то.
 Молось
 всевышнему божеству.
 Я был механик
 восьми пилотов.
 Они погибли,
 а я живу.

Ну как же долго
 бегут минуты.
 Секунда в небе –
 огромный срок.
 В бою девчонка,
 я верю в чудо.
 А где-то город.
 Там ждёт сынок.

Она спокойна.
 Она упряма.
 А вдруг случится
 и с ней беда?
 Мальчишка спросит:
 «А где же мама?»
 Что я отвечу ему тогда?

«КУЗНЕЧИКИ»

Выпускникам 1941 года

Всё дальше и дальше
 нас время уносит,
 Кричи – не кричи, только отклика нет.
 Где вы, пареньки восемнадцати вёсен,
 Седые уже с девятнадцати лет.

Мальчишки,
 чей возраст с войною повязан,
 Вставали навстречу свинцовой пурге,
 «Кузнечики» после десятого класса
 Бросались под танки на Курской дуге.

Растаяли в прошлом Наташи и Любы,
 Не вам довелось их вести под венец,
 И вас целовали не девичьи губы,
 А в пылкое сердце холодный свинец.

Короткий ваш след замечает позёмка.
 Кричи – не кричи, только отклика нет.
 Сказать бы спасибо
 Хоть вашим потомкам,
 Но вы в сыновьях не оставили след.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!

Обелиск над тенистым затоном.
 Перед ним головою склонись.
 Те, кто здесь, под шершавым бетоном,
 Тоже были влюблёнными в жизнь.

Бьёт фугас по железной машине...
 Ради бога, товарищ, держись!
 Задыхаясь в горящей машине,
 Он шептал: «Я люблю тебя, жизнь!»

Верю, души погибших пилотов
 Забирает небесная высь.
 Жуткий крик на трагической ноте:
 «На таран!!! Я люблю тебя, жизнь!».

Время «Че».
 День кровавый и хмурый.
 Запоздалые крики «Ложись!».
 Он один на один с амбразурой.
 Шаг вперёд! «Я люблю тебя, жизнь!»

Разве мыслимо сделать иначе,
 Если Родина тонет в крови?..
 Каждый метр здесь смертями оплачен.
 Почему нет команды «Живи»?!

БЕСЫ

Что же май опять так вьюжит?
 Воеет струн тугая нить.
 Это бесы в танце кружат,
 Бесы требуют забыть.

Каждый год в начале мая
 Их стремления просты –
 На Победу разевают
 Дурно пахнущие рты.

Разгулялась бесов стая,
 Жуткий вой на сквозняке.
 Это бесы подпевают
 На нездешнем языке.

Словно демоны ночные,
 Хвост запряган между ног,
 Косоглазые, кривые –
 Право, шельму метит Бог.

«Бейте западу поклоны,
 Проще так – забыть, не знать».
 Только пепел миллионов
 Не даёт их забывать.

Не рычи и не советуй,
 Не достать тебе меня!
 Слева – лента амулетом
 Цвета дыма и огня.

В СТРОЮ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА

По площадям и по жнивью
 И городов, и деревушек
 Идут с тобой в одном строю,
 И на параде – как в бою
 Живые и святые души.

Давно погибший лейтенант
 И вечно юные курсанты
 Как будто с нами говорят.
 Гляди, идут за рядом ряд
 Пятиметровые гиганты.

Они с тобой,
 Ты не один,
 Товарищ, слышишь это эхо?
 Сегодня весь народ един.
 Смотри, шагает впереди
 Георгий в огненных доспехах.

*Юрий Щербаков**(Астрахань)*

* * *

На третий день войны погиб мой дядя,
 Отцов неугомонный старший брат.
 На тракторном работал в Сталинграде
 И ехал в Астрахань, как все –
 В военкомат.

Что с ним стряслось?
 А только не на фронте
 Нашел его последний смертный миг.
 Бесследно сгинул Щербаков Леонтий –
 Литейщик, комсомолец, призывник.

Нашелся дядя через три недели
 На берегу у волжского села.
 Из документов на распухшем теле
 Одна только повестка и была.

На сердце просадил
 Бандитским шилом
 Неведомый убийца тот листок,
 С которым дядя в братскую могилу,
 Как павший за Россию воин, лег.

Но за него, огня войны отдавав,
 Шагнули в бой родные братавья.
 И если б не пришли они с Победой,
 У бати просто не родился б я.

Брат Николай,
 Брат Валентин и брат Леонтий
 Незримые у правого плеча.
 Забвенья лапы, памяти не троньте!
 Не гасни, заповедная свеча!

БАЛЛАДА

ОБ АСТРАХАНСКОЙ КУРАГЕ

Распахнула вьюга крылья,
 И за окнами – ни зги...
 – Вот, парнишка, и приплыли...
 Восемь фунтов кураги!

– Что за присказка-причуда
 Из дремучей глубины?
 А шофер в ответ:
 – Откуда?
 Да оттуда – из войны...

То ли свет в кабине зыбкий,
 Винават ли «Беломор» –
 Только смотрит без улыбки
 На попутчика шофер.

И не «газик» наш послушный –
 Сквозь поземку видит он
 Незабытую теплушку,
 Незабытый эшелон...

Там на нарах – молодята,
 Не изведавшие бой.
 Год рожденья – двадцать пятый,
 Год призыва – фронтовой.

Там в голодных снах – картоха,
 Масло льется по коржу,
 И приятель – Старцев Лёха –
 Тихо шепчет: – На, пожуй...

То ли чудится сквозь дрему
 Под унылый свист пурги?
 – Мне в мешок пихнули дома
 Восемь фунтов кураги!

Не взбулгачь, смотри, соседа...
 Нам одним.
 Война – войной...
 Вон их сколько, оглоедов, –
 Не накормишь все равно!

– Кем угодно назовите,
 Только не был подлецом.
 Сочно хрустнуло под бритвой
 Вещмешковое пузцо!

И хлестнул наотмашь:
 – Братцы –
 Словно сабельной дугой, –
 Угощает Лёха Старцев
 Астраханской курагой!

Налетай, подшевелила
 Курага средь бела дня!
 Вот с тех пор навек влетела
 Эта присказка в меня, –

Грустно хмурится Данилыч,
 И затыжка, будто всхлип.
 – Что таиться: всяко было,
 Только выжил, не погиб...

Может быть, тогда – в семнадцать –
 Среди огненной пурги
 Помогли нам крепче драться
 Восемь фунтов кураги!

За стеклом – метели когти,
 Снеговые пузыри...
 Хоть и скоро вы живете,
 А без пакости внутри!

Понастроили-то сколько
 И у Волги, и в степи!
 Право слово, ново-стройка!
 Эй, парнишка, ты не спи! –

Подъезжаем... Ну-ка плечи
 Веселее разверни!
 И мерцают нам навстречу
 Поселковые огни.

* * *

«Артиллеристы, Сталин дал приказ!» –
 Хрипел отец за чаркою до пота.
 Пел, как умел, фальшивя всякий раз,
 Он, командир зенитного расчёта.

И некому помочь и подтянуть
 Ему в застойной песенной кручине –
 Его расчёт земной окончил путь
 Под Сталинградом
 И в днепровской стыни.

Не трижды ли сержанта обошла
 По кругу поведённой смертной чашей
 Судьба – хозяйка бражного стола,
 Где за столом и наши, и не наши...

Отец, прости, что в прежние года
 Я не болел твоей заветной болью.
 Казалось мне, что это навсегда –
 Твой слёзный хрип
 В негаснущем застолье.

Наверно, время делает мудрей,
 Вдруг возвращая
 Главный смысл понятиям.
 «Из сотен тысяч батарей
 За слёзы наших матерей,
 За нашу Родину! Огонь!»
 Ты слышишь, батя?

* * *

Зачем нам знать историю свою?
 Зачем нам помнить подвиги и славу,
 Добытые героями в бою
 За нашу необъятную державу?

Зачем сражаться за вершок, за пядь,
 Благоразумью кроткому не внемля,
 Когда не перемерить, не объять
 Таковую нескончаемую землю?

Не обеднел бы предок на кусок,
 Отрезанный соседскому задире!
 Зачем не уступил и костью лег,
 Упрямый, за космические шири?

Ну что нам эта рыжая земля,
 Где через солончак до горизонта
 Упрямые хромают тополя
 Калеками, вернувшись с фронта?

На что сдалась нам эта Хулхута,
 Где небо солнцем выжжено
 До глянца?
 Но пролегла засечная черта
 Навеки через душу астраханца!

И потому не в каждом ли бойце
 В сорок втором,
 Жестоком и кровавом,
 Как и в моем, наверное, отце
 Проснулся дух дружины Святослава!

Проснулась мощь суворовских полков И поступь Грозных земских ополчений, И боевая удаля казаков, И Дмитрия Донского ратный гений!	История не только за столом – Она и в обелисках, и в могилах! История – не в дальнем далеке – В любом из нас, Ты только сердце слушай! Она и в поэтической строке, И в старой песне, что ложится в душу!
До Астрахани танки не дошли! В бессмертие, не в луговые травы – Легли тогда в полынь и ковыли Навеки богатырские заставы!	О, Астрахань моя, судьба моя! История, которой нету края! Привольнее и краше есть края, А вот родней – родней тебя не знаю!
Да будет вечна память о былом, Покуда кровь героев в наших жилах!	

В июне 2020 года отмечают:

80-летие

Хуршида ИЛАХУН, *поэт*
Сейит КАСКАБАСОВ, *критик, литературовед*
Айткали НАРИКОВ, *поэт*

70-летие

Нурдаулет АКЫШ, *прозаик*
Айтмухамбет КАСЫМОВ, *прозаик*
Жумаш КЕНЕБАЙ, *поэт*
Шаяхмет КУСАЙЫНОВ, *поэт, прозаик*

60-летие

Гайни АЛИМБЕКОВА, *поэт*
Болат ШАРАХЫМБАЙ, *поэт*

50-летие

Жанылхан АСЫЛБЕКОВА, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

